

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 8-10

Александр
Пятков:

ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБИМЫМ ДЕЛОМ

6

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№30 (59)
ИЮЛЬ 2021

ФЕСТИВАРНЫЕ НОВОСТИ

ИЗБРАННЫЙ НЕБОМ

стр. 6-7

стр. 5

ДРУГ В БЕДЕ НЕ БРОСИТ...

стр. 12-14

Софья Оранская: ТВОРите ЖИЗНЬ!

ТВОРИТЕ ЖИЗНЬ!

Она состоялась в Москве и в Париже, который вот уже много лет является ее вторым домом. Поэт, прозаик, публицист, литературовед, эссеист, сценарист, режиссер, член Союза писателей Северной Америки – Софья Оранская.

Геннадий Норд

— Ваш первый шаг в поэзии — каким он был, с чего начинали?

— Моя поэзия началась, когда мне было лет двенадцать-тринадцать. У меня сохранились некоторые из первых стихов. Могу честно сказать, что собственно поэзии это называть нельзя, это подростковые попытки стихосложения. Позже я обратилась к прозе, писала рассказы, потом, когда уже работала на «Мосфильме», сценарии. Настоящая поэзия ко мне «пришла» в уже зрелом возрасте, когда я приехала жить во Францию.

— Как это произошло?

— Произошло это самым удивительным образом. Через известного режиссера Валерия Рубинника, который работал на «Мосфильме», я в конце 1990-х познакомилась с живущим многие годы в Париже выдающимся художником нашего времени из Белоруссии Борисом Заборовым. Как-то раз весной я пришла к нему в гости в павильон, день был чудесный солнечный, но с Борисом мы спорили чуть не до драки об искусстве, литературе, современной поэзии. В общем, я ушла от него в состоянии «гром и молния», и все потому, что художник заявил, что современной поэзии вообще не существует, ну, в смысле того, что все это полная белиберда. Эта встреча стала каким-то удивительным таинственным толчком к тому, чтобы я начала, теперь уже по-настоящему, писать стихи.

А дальше, как плотину прорвало. За двадцать пять лет творческой деятельности написала двадцать два сборника стихов, двухтомное эссе о Франции, которую я посвятила семь лет работы, литературоведческие статьи, рассказы, сценарии.

— Все это волготилось в книге?

— Изданы четыре полноценные книги в Москве. В четвертую книгу «Эпоха Техно», вышедшую в 2018 году вошли, кроме стихов, еще и мои рассказы, литературоведческие статьи, публицистика.

— Почему «полноценные»?

— Потому что они большие по количеству представленных произведений и по объему. Это вкупе дает довольно полное представление о моем творчестве в целом. Дело в том, что в России в наше время некоторые поэты, увы, грешат «кличеством» своих опубликованных книг. Пыль, простите, в глаза пускают, чтобы можно было написать о себе: «У меня издано десять — пятнадцать книг». А на поверхку часто выясняется, что это и не книги вовсе. Ну, как можно назвать полноценной книжной брошюры в 30-50 страниц? Но у меня так получилось, что был долгий перерыв между публикациями: две книги — «На Заре» и «Королевский путь — I» вышли в 1998 и 1999 годах, а следующие две — «Сфера: Территория Любви» и «Эпоха Техно» — в 2017 и 2018 гг. Так сложилось. Но было много очень публикаций в СМИ, журналах, газетах — в России, Франции, Латвии, США, Канаде, Германии, Израиле. Стихи мои напечатаны в двенадцати антологиях поэзии, в четырех альманахах.

— Ваши книги можно найти в библиотеках?

— Первые две книги были приобретены Национальной Библиотекой Чикагского университета по изучению Славянских Культур. Это для меня, конечно, радостно и почетно.

А на вторую книгу «Королевский путь-I» мне написал рецензию доктор филологических наук, известный во всем мире издатель «Эдисон Реню» в Париже, профессор, награжденный Государственной премией Российской Федерации и государственной наградой Медалью Пушкина Никита Струве.

— Это очень высокая оценка вашего таланта

— Возможно, такое благосклонное отношение ко мне со стороны столь большой личности в литературе в пору моей молодости объясняется тем, что я училась в те годы в Сорбонне на факультете Славянской Цивилизации по по русской философии. А Никита Струве был не только славист, писатель и издатель, но и философ.

— Вы упомянули ваше эссе о Франции. Вы давно живете в Париже. И понятно, что вам захотелось написать об этой стране. Эта книга о вас во Франции или ваши наблюдения за парижанами, их бытой, культурой?

— Это двухтомное культуро-социологическое эссе «Франция — семь лет размышлений». Полностью еще не вышло. Но был напечатан большой экстракт из него в моей книге «Эпоха Техно».

Жить в чужой стране и не знать ее, это, по меньшей мере, неуважение к ней. А живу я здесь с 1990-х годов. И в какой-то момент мне захотелось поделиться своими знаниями об этой прекрасной стране, но показать не только шикарные «витрины», а жизнь, как она есть. Конечно, в моем видении. Но чтобы не быть голословной, я там привожу конкретные данные, взятые из статистического Центра в Париже и из многих прочитанных мною книг специалистов по социологии, праву, экономике, Эмиграционных процессов и других.

А главное, конечно, это мои собственные наблюдения! Книга разбита на много глав, каждая глава посвящена какой-либо теме: «Французская семья», «Эмиграция», «Русские во Франции», «Буржуазия и Аристократия», «Медицина», «Культура», «Наука», «Юстиция», «О туда по-французски и многое другое.

— Как вы оказались во Франции? Вы ведь работали на «Мосфильме», писали сценарии, были актрисой.

— Так вышло. Я всегда говорю, что это Судьба, потому что, в отличие от многих, которых рвались уехать после раз渲ала СССР за границу, в 1990-ые годы, я таких целей не преследовала. Я работала в это время на киностудии «Мосфильм» в Москве и как раз в тот момент на совместном франко-русском фильме, где познакомилась со звукорежиссером-французом.

Думала, что это будет очередная любовная история, а потом французы уедут и на этом всё закончится. Знаете, в кино часто так бывает: по окончании съемок любовные приключения заканчиваются. Как правило, никто никому скандалы не устраивает, чаще всего у всех эти временные союзы мирно распадаются. А он влюбился по-настоящему! Это было так неожиданно. Потом приехал опять, просто чтобы снова встретиться и поближе друг друга узнать. А потом... предложил замуж. Всё это было очень романтично! Вспоминаю с ностальгией это время. И даже то, что творилось в эту тяжелую эпоху за стенами «Мосфильма», как-то не ощущалось и не помнится. Просто, знаете ли, молодость, интересная работа, знакомства с талантливыми людьми, влюбленность!

— Да, времена тогда в России были тяжелые.

— Именно поэтому литературу пришлось оставить. Работала я в то время в группе по костюмам. Но я ничуть не жалею, что несколько лет работала не по своей специальности. Считаю, что этот период на «Мосфильме», один из самых ярких и оставивших неизгладимый след в моей жизни.

А с какими большими личностями довелось тогда поработать! На фильмах Э.Рязанова, Н.Михалкова, А.Кончаловского, С.Дружининой, С.Колосова, И.Горбачева и других.

Мне приходилось одевать таких актеров, как Армен Джигарханян, Лев Дуров, Валентин Гафт, Леонид Броневский, Александр Беляевский, Леонид Куравлев, Петер Мамонов, Борис Плотников, Валерий Носик, Роман Карцев, Вячеслав

слав Невинный, Леонид Куравлев, Александр Пашутин и таких актрис, как Людмила Касаткина, Наталья Гундарева, Татьяна Васильева, Лия Ахеджакова, Ирина Метлицкая, Любовь Полищук, Наталья Крачковская и многих других! И вообще, съемочный процесс, киноэкспедиции в разные города при всех сложностях — это было чудесно. И сама работа с костюмами! Особенно было интересно работать на исторических фильмах, с костюмами эпохи XIX века. В общем, это был период внутреннего обогащения.

А какой был тогда высокий профессиональный уровень всех участников съемочного процесса! Кино — это ведь коллективное творчество, в отличие от творчества поэта, писателя, художника, работающих в одиночку. И лучшие фильмы — это оригинальный сценарий, крепкая рука режиссера, сильные актеры, талант оператора, художников по декору и костюмам и их группы, звук, гримеры, пиротехники, каскадеры, а после съемок — монтаж.

Общение со всеми этими высококлассными профессионалами было настоящим духовным обогащением для меня.

Вы не сказали о своих актерских работах.

— Насчет моего «актерства»: я после школы, поступала в театральные училища в Москве на актерский факультет, но везде провалилась. И пошла на литфак педагогического института. И позже поняла: это было верное решение! Ведь все вокруг говорили, что у меня есть явные литературные задатки.

А позже, когда работала на «Мосфильме», еще раз убедилась: из меня бы не вышло хороший актрысы. Я это знаю. И вообще актерская профессия — тяжелая. Потому что очень зависима от других. От режиссеров театра и в кино. В этой

профессии многое зависит, увы, не от таланта, а от способности пробиваться, ладить с людьми и просто от его Величества Случая.

— Но в кино вы все-таки снимались?
— В эпизодах. В двух фильмах. В том, на котором сама работала, в фильме французского режиссера Сальфати. И позже, уже во Франции, тоже во французском фильме «Мальро, ты меня удивляешь!», о жизни писателя, в зрелые годы министра культуры, Андрэ Мальро. Он был знаком с Максимом Горьким.

В фильме есть эпизод, когда Андрэ Мальро привозят к Горькому со своей молодой женой, но встреча происходит не тет-а-тет, а с группой делегации советских писателей. Вот в этом эпизоде я снималась в составе советских писателей. Сидела за одним столом с Андрэ Мальро и рядом с Максимом Горьким. С актерами, конечно, которые они играли.

В общем, как-то символично: я в роли советской писательницы рядом с писателями мировой известностью Максимом Горьким и Андрэ Мальро. Так что моя мечта сняться в кино осуществилась!

— Кино сильно повлияло на ваше творчество?

— Конечно. Особенно, на поэтическое. То, что я училась во ВГИКе на сценарных курсах, да еще в мастерской у одного из лучших сценаристов бывшего СССР Валентина Черных и то, что работала в съемочных группах и видела весь процесс киносъемок, все это позже отразилось на моей поэзии. Мои поэтические сборники написаны по принципу сценария. Стихи объединены не просто общей темой, а там есть как бы «история», протянутая через всю книгу. В некотором смысле, роман в стихах. Стихи мои в каждой книге очень крепко связаны между собой общей линией.

— Черных — это «Москва слезам не верит»?

— Да. Этот фильм по его сценарию получил премию «Оскар» как лучший иностранный фильм.

— А сегодня есть взаимодействие с кинематографом?

— А на данном этапе жизни возвращаюсь к тому, чем занималась много лет назад, к сценариям. Задумок, сценарных идей много! Но в кино не приятно говорить о том, что еще не получила реализации.

— Существует ли понятие везения в судьбе деятеля литературы и искусства?

— Вот сейчас призадумалась: в чем мне в жизни повезло?

— Так все-таки повезло?

— Думаю, что таких везений было много.

— Повезло мне с моими родственниками. Мама была простой женщиной из народа, ветеран Великой отечественной войны. И я ей благодарна за все, что она для меня сделала. Отец был человеком энциклопедических знаний, историком и математиком, краеведом. Подмосковья, который очень много сделал для сохранения памяти и культуры родного края. Он был борцом за сохранение культурного наследия, памятников истории. Я ведь семейный клан со стороны отца вспоминаю с нежностью и благодарностью: настоящие интеллигенты, тети, кузины, кузены, как-то сложилось, что почти все были либо учителями с математическим уклоном, либо врачами. Любимая тетя была, как и дед, ее отец и моего папы, библиотекарем, затем директором библиотеки. С чувством любви и благодарности ко всем им вспоминаю мои детские годы, когда все собирались летом в нашем доме в Орехово-Зуево в Подмосковье на чай и пироги с домашним вареньем...

Любовь к книге была привита мне с раннего детства моим отцом и его сестрой, моей тетей библиотекарем. Конечно, я не могла обойти стороной их в своем творчестве и посвятила им целые циклы в моих сборниках.

Повезло мне даже и с глубинными корнями. Отец-историк составил генеалогическое древо аж до шестого колена! Рассказывал о многих людях в нашем роду.

И какие интересные были личности! В роду было четыре православных священника. Были польские дворяне Оранские. Полковник царской армии Петропавловский, который жил с большой семьей во Владимире и был награжден государем высшей наградой — орденом Святой Анны за служение Отечеству. Мы долго поддерживали связь с его потомками.

Поэт Константин Бальмонт был женат на моей родственнице из этого рода, но у них не было детей.

Один из самых интересных людей в роду был Лебедев, заведующий управляющим московскими училищами и

историк. Достоверно известен следующий факт: именно он когда-то принимал экзамен по истории у молодого Льва Толстого и поставил ему знаменитую единицу. Эта история описана великим писателем в его новелле «Детство, отрочество, юность» в главе «Единица». Мой папа негодовал по этому поводу. Потому что, как рассказывала ему его бабушка, прямая наследница Лебедева, историк на самом деле не был таким ужасающим противным, как его описал Лев Николаевич, а был добрямческим человечком, взял на свое попечение двух племянниц из провинции, когда умерла его еще молодая сестра, привез их в Москву и дал обеим прекрасное образование. Но он был педагогом, а это, конечно, предполагало строгость в отношении учеников! Быть это и сам Лев Толстой... в то время никому еще неизвестный графский сын!

А внучата племянница Лебедева, Александра — бабушка моего отца — стала потом одной из первых женщин-врачей в России! Она училась на первых открытых для женщин медицинских курсах Университета в Петербурге. В большом архиве моего отца, который я бережно храню, я обнаружила ее аттестат зрелости по окончании Московской гимназии, которую она закончила с отличием в 1870 годах. Меня

больше всего поразило в документе вписанное туда «составие». Там написано — «из дворян». Папа об этом никогда не рассказывал и документ этот прятал. В советское время о дворянских корнях надо было помалкивать.

У Александры ее при надлежность к дворянскому роду выразилась в понимании, что такое «честь о бязьават». И всю жизнь она следовала этому критерию, уже в советское время, передавая своим детям и внукам свои большие знания в области медицины, языков — знала четыре иностранных языка — и моральных ценностей.

Ее муж, мой прадед, был знаменитым во Владимирской губернии врачом, статским советником. Во время приезда царя Николая II вместе с царицей Александрой во Владимир он присутствовал на официальной церемонии встречи Государя рядом с графом и графиней Храповицкими, с которыми был близко знаком.

Было в нашем роду много и других интересных личностей. И что самое главное в этом знании моего рода: я думаю, что уже с детства это знание наложило на меня важнейший отпечаток — понимание, что я тоже должна «соответствовать». Пусть в ином качестве. Но я не имела права стать простым «обывателем», живущим одним днем и ради своего маленького югоистиничного «интереса».

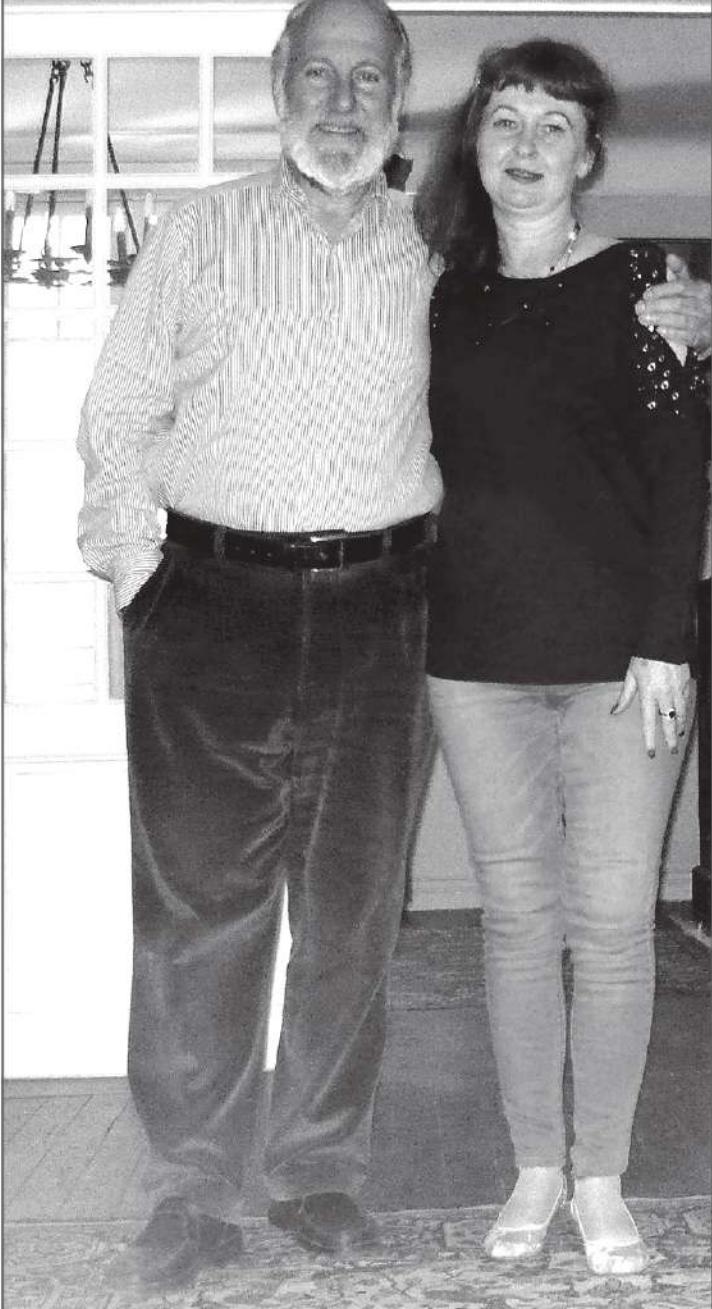
— Но ведь не только с родословной повезло?

— Мне еще очень повезло на встречи с невероятно интересными творческими людьми в разных областях культуры — в области кинематографа, литературы, живописи.

Была знакома с Олегом Янковским. Он снимался в фильме, на котором работал когда-то мой муж французско-звукозаписывающий. Это

Окончание на с. 14

С Рене Герра

С Николаем Карапчензовым

Окончание. Начало на с. 12-13

фильм Александра Адабашьяна «Мадо, до востребования». Он был номинирован на французскую кинопремию «Сезар». Все съемки проходили во Франции, в маленьком городке. А с Олегом Янковским у меня были теплые, дружеские отношения в течение нескольких лет. Он был потрясающий собеседник, тонкий, интуитивный, мудрый человек. В нем был какой-то аристократизм поведения, в лучшем смысле этого слова.

Была знакома с Николаем Карапчензовым. Хотели с ним записать песни на специально написанные для этого случая мои стихи, но этому проекту было не судьбоносно осуществиться. Тяжело переживала эту трагедию, когда он разбился на машине в 2005 году и его уход в 2018 году. Он был необыкновенный человек, а уж какой талантливый, это все знают. Ина сама делала очень глубокий и ранимый, хотя часто его воспринимали, как этакого «простого парня». Надо сказать, он очень любил простой народ, в нем не было ни грамма снобизма. И народ его любил. Истинно народный артист!

Поехало мне и на «встречи» с великими поэтами прошлого с Александром Блоком, Владимиром Высоцким!

— Это как?

— Мне довелось держать в руках вторую посмертную маску Блока. Судьба свела меня с художницей и переводчицей Юлией Зувовой, которая работала на одном со мной франко-русском фильме. Была у нее в гостях. Долго мы с ней говорили о литературе, театре, поззии. И вдруг она приносит из другой комнаты эту маску и держит мне в руки! Это было потрясающе, держать в руках посмертную маску Блока!

Что касается Высоцкого, то здесь вообще много мистических странностей в моей жизни. Так сложилось, что в моем окружении оказалось много людей, которые его лично знали и много о нем рассказывали. У меня в результате возникло ощущение, что я сама его лично знала. А в 2015 году Марина Влади продавала практически все свое движимое имущество на аукционе в Париже, многие свои драгоценности, часы, картины, даже свою кинопремию. И среди них Золотую Пальмовую Ветвь Каннского фестиваля! И, по-моему, самую важную ценность: последнюю — бронзовую — посмертную маску Высоцкого. За день до аукциона, как это всегда бывает, все желающие могут прийти, чтобы посмотреть в витринах всё, что потом будет продаваться. Я пришла, чтобы увидеть эту маску. Попросила вынуть ее из витрины. И держала ее в руках. Честно признаться, хотела купить. Хотя это было бы большой материальной жертвой для меня. Но на следующий день на торгах цена так выросла, что мне это уже было не по карману. Маску продали за пятьдесят пять тысяч евро.

Парадоксом стало другое! Эксперты-оценщики думали, что маска уйдет за сто тысяч евро. Но все были поражены, что за эту сумму было куплено последнее стихотворение Высоцкого, посвященное Марине Влади, написанное на открытке! Кто купил эту открытку, так же, как и более половины всего остального, всем на аукционе было известно. Один миллионер из Сибири, поклонник творчества Высоцкого. Его самого там не было. Была его жена, которая сидела через два ряда передо мной и неустанно поднимала пальчик.

А кто купил последнюю маску В.Высоцкого неизвестно. Миллионер, который скупил более семидесяти процентов ценных вещей Марине Влади, почему-то не захотел ее брать. Я потом общалась с экспертом коллекции, пытались вытянуть из него информацию. Но он был стоек, и ничего не сказал.

Эти «встречи» с великими поэтами России мне дороги! И вижу я в этом какой-то мистический знак.

— Но ведь и во Франции у вас были встречи с интересными людьми.

— Да, во Франции мне тоже повезло со встречами с очень талантливыми людьми! Здесь всегда была очень насыщенная жизнь в художественных кругах русской диаспоры. Такие все талантливейшие личности! Славист, философ, издатель Никита Струве, собиратель русского наследия, славист, профессор, доктор филологических наук Ренé Герра, хранитель памяти Марины Цветаевой, создатель ее дома-музея под Парижем Флоран Дельпорт.

А художники! Сергей Чепик, Борис Заборов, Валентин Самарин, Виталий Станицкий, Оскар Рабин, Владимир Попов-Масягин, Маша Володина-Винтерштейн, Людмила Гонцовская, Анна Филимонова.

Талантливые поэты и писатели: Владимир Наумов, Юрий Мамлеев, Борис Носик, переводчица и писательница Маргарита Лурье, Вадим Нечаев, Борис Куделин, писательницы Елена Улиссова Пинко, Елена Якубельд. Переводчица и актриса Ольга Абраго. Оперный певец Жорж Кеворк, певица Ольга Володина. И, конечно, никакой незаменимый Петр Капличенко, который потрясающе пел песни Высоцкого. Учредитель русской Общины, журналист Андрей Гульцов, главный редактор основной газеты русской диаспоры во Франции «Русский очевидец» Елена Якунина, фотограф, оператор кино Алексей Терзиев, фотограф моды Валерий Савельев.

И многие-многие другие. Я здесь называю лишь о тех, с кем поддерживала и поддерживаю дружеские или приятельские отношения.

— Может показаться, что вся ваша жизнь, это сплошные розы без шипов, школа, прянки, шампанское. Я просто уверен, что это не так.

— Вы правы. Конечно, это не так. Я вполне осознаю, что за возможность творить в противовес должна была быть какая-то пирамида булыжников чего-то «невезучего». В моем случае, это то, что долгие годы ко мне никак не шло признание. Словно блокировка какая-то стояла всё время. Но неожиданно в последние шесть лет всё как-то побежжало ускользающими темпами в этом направлении. Мои стихи и публицистику стали много печатать, посыпались как из рога изобилия премии, награды за литературные заслуги. Значит, время пришло. Значит, не зря старалась.

И вообще везет тому, кто много работает.

— Как для вас прошел с творческой точки зрения этот сложный год?

— Этот год, несмотря на большие сложности, был для меня очень плодотворным: мои стихи, эссе, статьи опубликованы в трех антологиях, в Каталоге русской современной литературы и Антологии русской поэзии — 2019, представленных на Международной Книжной Выставке в сентябре в Москве, в литературных журналах «Новый Свет» и «ЛитТег» и в трех альманахах.

Одним из важнейших событий этого года было мое участие в Международном конкурсе имени де Ришелье в качестве консультанта-советника от Франции. Я помогла подготовить и послать на конкурс работы двадцати трех участников. И все они стали лауреатами.

— Есть ли у вас свой девиз, миссия?

— Есть девиз. На граве семи графов Строгановых было написано: «Ferunt opes patriae, sibi pomen» — «Отечеству принесу богатство, себе оставил имя». Эта фраза была у дреевин римлян.

Вот эти слова я считаю своим девизом. В моем случае, мое богатство — это мои литературные труды.

— Что вы цените больше всего?

— Более всего ценю профессионализм и умениекладывать силы и душу в любимое дело. Глубину мысли. Оригинальную образность. Оптимизм. Щедрость души, альтруизм. Эстетику. Порядочность. Лояльность и верность в дружбе. Любопытство к жизни, миру, стремление познать, увидеть как можно больше. Ведь в мире столько интересного!

Как сказал когда-то один из многочисленных интервью выдающийся актер Николай Карапчензов: «У многих людей есть какой-нибудь талант. Но немногие его угадывают». Мне бы хотелось, чтобы люди научились угадывать свой талант.

Поэтому мой второй девиз — «Творите жизнь!»

Ведь творчество — это не только стихи, картины, песни, статуи... Всё есть творчество. Мы творим нашу жизнь, в которой все надо создавать самим: любовь, работу, отношения, круг друзей и единомышленников, лепить духовный мир наших детей...

Творчество выражается даже в том, что бы налепить вкусные пельмени или испечь торт.

«Творите жизнь!»

И всегда можно найти, как, в чём и во имя чего. Во имя добра, любви, красоты!